

зації; наратив організовано в фокусній перспективі «центральної свідомості», натомість функція розповідача зводиться до констатації окремих ремарок, що не стільки виявляють, скільки дезавуюють авторську позицію. У тексті роману мають місце численні «поля невизначеності», що потребують актуалізації читацької рецепції. Загалом художня цілісність твору в її класичному варіанті проблематизується, трансформуючись у цілісність внутрішнього порядку, що зумовлюється глибинними зв'язками на рівні асоціативних зчеплень і мотивних відповідностей. Така художня структура роману засвідчує, що Генрі Джеймс своїми пошуками значною мірою спричинився до формування модерністських тенденцій у літературі початку ХХ ст. і передбачив основні напрями її розвитку.

Примітки

- * Детальніше про особливості сюжетної організації у пізній творчості Г. Джеймса в аспекті просторової форми див. у нашій статті «Сюжет як елемент «просторової форми» в романі Генрі Джеймса «Посли» (у друці).

Список використаних джерел

1. Анцыферова О.Ю. Литературная саморефлексия и творчество Генри Джеймса : Дисс. ... д. филол. н. / О. Ю. Анцыферова / МГУ им. М. В. Ломоносова. – М., 2002. – 400 с.
2. Джеймс, Генри. Предисловие к роману «Послы» / Генри Джеймс // Джеймс, Генри. Послы / Изд. подгот. А. М. Зверев, М. А. Шерешевская. – М. : Ладомир; Наука, 2000. – С. 319-331.
3. Джеймс, Генри. [Предисловие к роману «Женский портрет» в нью-йоркском издании 1907-1909 гг.] / Генри Джеймс // Джеймс, Генри. Женский портрет : роман. – М. : Наука, 1981. – С. 481-492.
4. Зверев А. М. Джеймс: пора зрелости / А. М. Зверев // Джеймс, Генри. Послы / Изд. подгот. А. М. Зверев, М. А. Шерешевская. – М. : Ладомир; Наука, 2000. – С. 343-369.
5. Armstrong P. Reading James's Prefaces and Reading James / Paul B. Armstrong // Henry James's New York Edition: The Construction of Authorship / Ed. by D. McWhirter. – Stanford : Stanford UP, 1995. – P. 125-137.
6. Frank, J. The Widening Gyre: Crisis and Mastery in Modern Literature / J. Frank. – New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press. 1963. – 278 p.
7. Frank, J. Spatial form 30 years after / J. Frank // Spatial Form in Narrativ. Ed by J. R. Smitten and A. Daghistany. – Ithaca; London : Cornell University Press, 1981. – P. 202-244.
8. James, H. The Ambassadors : novel / Henry James. — Режим доступу : <http://www.gutenberg.org/files/432/432-h/432-h.htm>
9. James, H. The Golden Bowl : novel / Henry James. — Режим доступу : <http://www.gutenberg.org/files/4264/4264-h/4264-h.htm>
10. Leavis, F.R. The Great Tradition / F. R. Leavis. — Режим доступу : <http://ia600302.us.archive.org/11/items/greattradition031120mbp/greattradition031120mbp.pdf>.

Summary. *The poetics of the novel «The Ambassadors» and «The Golden Bowl» by Henry James is analyzed in the paper with regard to «spatial form». The main peculiarities of this form in the novel are: inner plot, chronotope of consciousness, associative structure of personage, point of view.*

Key words: *spatial form, inner plot, chronotope of consciousness, personage, narrative, point of view.*

УДК 821.161.1-1 Т.1/7.08

В.А.Синюк

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ АВТОРА И ЕЕ ЛИРО-ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ В ЛИРИКЕ МАРИИ ТИЛЛО

В статті аналізується екзистенційно-світоглядний момент ліричного автопортрету поетеси Марії Тилло, емоційна тональність її лірики і способи її стилістичного вираження.

Ключові слова: *екзистенційні проблеми, апокаліпсис, трагічний оптимізм, концепт, кольорова гама, континіум.*

В украинской русскоязычной литературе конца ХХ–начала ХХІ века поэтический феномен Марии Тилло занимает особое место. Экзистенциальный опыт поэтессы оказывается интересен

людям, задумывающимся над философскими вопросами: ведь ее творчество есть форма борьбы за самоутверждение, за право личности на полноценную жизнь – причем не в социальном, а в сугубо биологическом аспекте борьбы с болезнью и судьбой. Ее поэзия – это поэзия обретения веры, поиска достойной позиции перед лицом неминуемой смерти. Поэзия Марии Тилло как литературный факт максимально сопряжена с опытом личной жизни, продиктована необходимостью самореализации и самовыражения, обретения достоинства в трагических, безысходных обстоятельствах.

Среди исследователей творчества Марии Тилло есть известные имена: ученые киевские (П. Михед, Т. Пахарева) и московские (М. Михайлова, Г. Якушева), литературоведы Полтавы (О. Ниженко) и Тернополя (М. Ткачук), Каменца-Подольского (С. Абрамович, Н. Дворницкая, Е. Сохацкая, И. Прокофьев, П. Шулык) и Черновцов (М. Чикарькова, Ю. Пацаранюк, И. Мурадханян) и др. Все отмечают философскую глубину и насыщенность этой лирики, ее экзистенциальную глубину. В частности, верно отмечено: «В поэтико-строфической особенности стиха Марии Тилло мы как будто слышим неровное биение ее пульса, ощущаем ее неизбежное внутреннее беспокойство, непреходящую тревогу, неутоленную печаль, поводом для которых для поэтессы по сути является все: любовь, природа, бег времени, само бытие – и даже надежда на счастье» [9, 30]. Но все же проблема выражения экзистенциальной позиции поэта в лиро-эмоциональной тональности не были центром исследовательского внимания.

В предлагаемой статье мы предпринимаем попытку определить экзистенциальные концепты лирики Марии Тилло и их эмоционально-стилистическую тональность.

Феномен творчества Марии Тилло состоит в особо тонком восприятии окружающего мира, трансформации чувств, градации жизненного опыта. Все это сопряжено с удивительно редким талантом самовыражения: яркой образностью мышления, метафоричностью языка, умением увидеть в обыденном и повседневном что-то особенное, то, чего не может увидеть каждый, удивительно глубоким философским осмыслением жизни. По меткому определению С. Абрамовича, «экзистенциальный опыт Марии Тилло, юного, полного желания жить, талантливого человека, который прожил полжизни, глядя в лицо смерти. И не потерял достоинства, тоже, думается мне, не должен остаться безразличным для тех, кто мыслит и чувствует... при этом она вынуждена была опираться, по преимуществу, на собственные душевные силы, и не только научилась смотреть в лицо смерти, но и нашла эстетическое измерение для этого состояния» [2, 190].

Ранние стихотворения поэтессы – это удивительно яркое восприятие жизни. Поэтесса радуется окружающему миру, воспринимает этот мир всем своим естеством, с первобытным чувством игры представляет себя самой неожиданной частицей этого мира:

Я – черепаха.
Но только странная такая черепаха.
Я уползаю из-под панцирного плена
И как-то медленно ныряю в море жизни,
Пронзаю волны набегающих эмоций ... [6, 20].

Белые судьбы цветов
на зеленых весах.
Радуга солнца; и свет,
в паутине распятый [6, 20].

Это повышенно-эмоциональное и яркое восприятие находит соответствующую цветовую гамму: *голубая черепаха, белые судьбы цветов, зеленые веса*. Преобладание ярких цветов – свидетельство радости, которую Мария Тилло находит в жизни и окружающем мире.

Веселый дождь! Смотри: разбилась капля-
Осколки разлетелись по песку.
Каскад воды – и новые этапы
На жизненном пути сметут тоску [7, 20].

На смену яркой и «детской» картине жизни постепенно приходит более глубокое, философское осмысление ее. При этом место человека в этой жизни неуловимо смещается, тревожно перетекает в разные состояния, свидетельствуя о смятении души, ищущей опоры в этом меняющемся и динамичном мире:

Но кто я? Я – сон. Я – ребенок на туче.
Я – солнце, обжегшее острые тучи.
Я – высохший дождь, я – разбросанный ветер,
Который порвал слишком крепкие сети [6, 26].

Экзистенциальный мотив тревоги проходит через всё творчество М. Тилло. Эта тревога универсализируется до уровня космической тревоги, рожденной балансированием человека на границе бытия-небытия:

А сейчас – только ночь.

Беспокойные,

черные сны.

Бесконечная даль

без надежды

проснуться и вспомнить [6, 61].

Хватит! Дальше – нельзя. Дальше – смерть.

Дальше – маску снимает сознание.

И рассудок стремиться успеть

Осознать: за что – наказание [6, 97].

Весна потерялась. Зима белой пылью

Накрыла пространство. Кругом мертвый лед.

Снег падает вниз, словно птица без крыльев.

И холод рукою за тело берет [6, 177].

В оправе застывшей травы, словно зеркало,

Лежит гололедица скользким ковром.

И яма глубокая (может быть, мелкая?)

Засыпана плесенью зимних песков.

А хочется радости, теплой и ласковой

Загадочно-неповторимой страны,

Блестящей живыми и свежими красками

Как хочется счастья и света весны [6, 124].

Со временем тревога и неопределенность сменяется жгучим желанием понять и осмыслить законы бытия, в котором как будто господствует всеобщее уничтожение:

Мы все уйдем, не оставив след

В вечной грязи на тропах эпох:

Имя накроет зеленый мох

С меткой «Забвение»: канет в высь

Странно-красивая птица жизнь [6, 132].

Эту градацию эмоциональной тональности определяет усложнившийся личный жизненный опыт, ухудшившееся физическое состояние и сопутствующие ему порывы знать смысл и суть вещей.

Стихи, написанные в последние годы жизни, утрачивают яркость образной системы. Жизнеутверждающее начало сменяется мыслями о том, что будет «за чертой», возникает попытка понять, что собой представляет собственно жизнь и место человека в ней. Постепенно меняется и цветовая гама – главенствующим цветом становится *чёрный*, который воспринимается как символ тупика и безысходности.

И ты на чёрный снег прилег,

Сомкнув уставшие ресницы [6, 31].

Чёрные звёзды в белую ночь:

Всё перепутала Жизнь – колода

В сложном пасьянсе «Вечного года» [6, 127].

Что ты принес с собой, чёрный ангел?

Что ты унес с собой, чёрный ворон [6, 120].

Был вороном страшным – стал чёрной вороной.

И все – так двигает крыльями в чёрном

Душа самозванца на сказочной ели [6, 122].

Прелюдия радости – чёрное время истока

Росою холодной мысли скользят по траве

Зелёного мозга [6, 136].

Казалось, мир сошёл с ума:

По небу ангел тянет грабли,

Сжимая тучи в чёрный ком [6, 141].

И узоры из грязи на сапогах –
Се есть Небо в твоих руках
Разгреби его суть в чёрном снеге .
Наступи на Небо с разбега [6, 155].

Земные ангелы! Поломанные крылья –
И в чёрной злобе пропадает белый цвет [6, 169].

При этом в поэтических опытах предшественников (например, Есенина) она находит нечто глубоко родственное, с глубокой и трагической искренностью подхватывая и развивая классический мотив «черного человека»:

Я ждала тебя, мой чёрный человек,
Я глаза разбила о слепые окна.
Я минутой ощущала чёрный век.
И от слез ресницы насухо промокли [6, 176],

Поэтесса поневоле осознаёт дисгармонию мира, переживает драматизм бытия, связанный с трагедией личной жизни. Может показаться, что в поэзии Марии Тилло на первый план выдвигается ощущение абсурдности бытия, что поэтесса разделяет самые мрачные представления нерелигиозного экзистенциализма Сартра и Камю:

И взгляд невидящий в скользящей тишине,
И свежескошенные звуки дождевые,
И мой рассудок, заблудившийся в вине,
И в прошлом – мертвые; по прозвищу «живые» .
И незначительно тревожный аромат
Горящей пламенем цветным листы осенней,
И умирающий и беззащитный сад
Объятых ужасом предчувствия растений [6, 71].

И совершенно естественно реализуется здесь в экзистенциально-философском плане концепт «смерть» – как конечность индивидуального бытия. Характерно, что реквиемный мотив появляется в самых ранних стихах Тилло, слово «смерть» у нее с самого начала звучит весомо и всерьез:

И мы, рукой зажавши руки,
Пойдем туда, вперед, за мной!
Там – просто Смерть. И нет разлуки [6, 30].

Время, не чувствуя смысла, играет на грани
Жизни и Смерти, плетя равномерную сеть [6, 172].

Наступает зима,
убивая дыханье весны.
И приятная Смерть
создает
ощущенье истомы... [6, 61].

Держась за время
Старыми руками,
Мы умираем,
Медленно и верно [6, 63].

Я – сон. Только чей? Это, право, не важно.
Нелепый, помятый и очень отважный
Несется ребенок на облаке Смерти,
Свой стан оторвавши от огненной тверди [6, 26].

Присутствие смерти обретает некую обыденность. И чем чаще это слово повторяется, тем прозаичнее звучит; магия тревоги и смятения исчезает. И ее место занимает какая-то иррациональная, но вызывающая доверие, уверенность. Ведь для поэтессы очень важны вопросы свободы выбора и ответственности за свой выбор. Здесь особое место занимают размышления над природой временного континуума, который в своей неразрывности определяет трагизм человеческой судьбы, порождая экзистенциальное чувство трагической неотвратимости завершения земного пути. Поиск границы между земным и космическим, здешним и потусторонним пролегает через осознание значимости собственного внутреннего мира, экзистенциальное переживание действительности, неизбежный личный апокалипсис – свой и каждого – определяет художественно-поэтический мир поэзии Марии Тилло. Максимально развернуты здесь в образной проекции такие

экзистенциальные категории, как вера, страдание, боль, грусть, смерть, одиночество, страх, тревога, утверждение.

В разбитом зеркале искрится отраженье
Судьбы, идущей в разные ряды.
Ей все равно теперь: победа, поражение...
В осколках спрятались скользкие следы [6, 173].

Жизнь – посекундная горечь: весёлые слёзы
Кожу сдирают с застывшего злого лица.
Сердце погасло костром в ожидании угрозы.
Просто с ответом: ведь жизнь не имеет конца [6, 172].

Да, окружающий мир отображен у Тилло во всей своей трагичности и сложности, противоречивости, не-принятости. И все же в конце этого беспросветного туннеля ей видится зыбкий, колеблющийся свет:

Тупик? – Невозможно: осталась тропинка
И где-то вдали с ветром спорит свеча [6, 147].

Возможно, когда-нибудь после конца
Наступит начало. И звездное нечто
Слезой заискрится в свечении Млечном [6, 73].

Лирико-философский ракурс поэтического мира Марии Тилло определяется экзистенциальным предчувствием неотвратимости судьбы. Но эта личностная апокалиптика дает возможность говорить об объединении философских и религиозно-мистических мотивов, развернутых в традиционной для поэтессы метафорической образности и символической манере. Поэт-философ встраивает жизнь и смерть в свою мировоззренческую систему, собственный поэтический мир, трансформируя их в категорию значимости бытия и, следовательно, бессмертия.

«Равновесие между двумя экзистенциальными полюсами правды/лжи, проклятия/поклонения – как всегда, посередине, в той области «срединного», человеческого, гармонизированного бытия, которая предстает в поэзии М. Тилло недостижимым блаженством и освещается уже иной звездой <...> В конечном счете за трагедийно-ироническими сюжетами самоотождествления со звездами и укорененности в звездном пространстве сквозит именно эта интенция – тоски по «срединно»-человеческому миру и модусу бытия, сквозь который М. Тилло проскочила навывлет», – верно замечает Т. Пахарева [5, 35].

В поэзии Марии Тилло реализовался экзистенциально-мировоззренческий портрет автора. Основная идея этих стихотворений определена желанием поэтессы почувствовать и осознать невидимую трансцендентную связь, которая объединяет земное и космическое. Жизнеутверждающее начало, которое так ярко проявилось в первых стихотворных опытах, может, и не совсем совершенных, но ярких, теперь развилось и упрочилось. Эмоциональная тональность постепенно меняется: нет места ни радости, ни отчаянию, есть уверенность, твердость, утвердилась сила духа. Мировоззренческой почвой творчества Марии Тилло становится идея «трагического оптимизма», «трагического стоицизма», которые определили идейно-тематическую основу этого творчества.

Печальна музыка судьбы.
И слишком сложные аккорды,
Сбив с ритма слог моей стопы,
Звук создают немой и гордый [6, 31].

Но есть пока желание писать,
Желанье видеть, слышать, вновь рождаться,
Уметь среди людей не растворяться,
И жажду жить на плаху не бросать [6, 58].

По шаткой лестнице судьбы не все ступени
Способны выдержать тяжелые шаги [6, 161].

Поиски аутентичности человеческого бытия, связанные с утверждением приоритета духовности, становятся отправной точкой для размышлений о целых культурных эпохах – например, о Ренессансе с его верой в человека [1, 38] и даже для апокалиптических прозрений:

Но неизвестно, что впереди:
Хочется видеть, а жизнь ослепла.
И почему-то падает небо
Верхней мечтою на нижнем пути [6, 146].

Изменчивым, хаотичным, вовсе не-системным, но ярким и своеобразным предстает мир в постмодернистской лирике Марии Тилло. Мир, природа воспринимаются поэтессой с одной стороны как загадочная всеобщая связь, а с другой – как бесконечное изменение, динамичный процесс:

Начало интересней, чем конец:
Еще живет и теплится надежда
На право жить, чтоб оказаться между
Рождением и смертью. Как свинец
Веселой пули в пьяном рикошете,
Несемся по загадочным степям...[6, 117].

При всей сложности стихов, созданных М. Тилло в последние годы жизни, нельзя не отметить, что здесь тревога, страх, боязнь сменяются чувством некой твёрдости и уверенности. Удивительно, что обречённый болезнью человек находит мужество осознать: нет конца – есть жизнь. Обретаемая в этой душевной борьбе сила духа диктует создание целой метафорической образной системы, в которой прочитывается сплетение и противоборство тьмы и света. Поэзия Марии Тилло с необычной силой передает бунтарскую стихию человеческой души. Это – поэзия сильной мысли, облакаемой в смелые и оригинальные образы, мыслей, различных по своей тональности, реализованной в сложных и самобытных ритмах. Она исполнена катарсиса, который помогает человеку удержаться, не упасть, не сломиться. Интонации безнадёжности здесь, в конечном итоге, нет, а есть уверенность в себе, в собственном достоинстве, в конечной благодати столь жестокого и прекрасного мира и важности собственного поэтического труда:

Я живу. Я пишу! А к словам прикасается тленность.
И сжирается огненным солнцем спокойная тень [6, 42].

Г. Якушева справедливо замечает: «Но если мы, читая стихи Марии Тилло, испытываем те же чувства и ту же боль, что испытала поэтесса, если мы с помощью ее поэзии сдираем пласт кожи со своего сердца, чтобы оно не очень загрубело, – разве все это не есть высшее признание небесполезности даже самого трудного пути, ненасправности тягот даже самого драматичного человеческого существования – если оно действительно человечно» [9, 31].

Итак, эмоциональная тональность лирики Марии Тилло претерпевает градацию: от ярких, полных радостного мироощущения образов до преобладания настроения трагизма и ощущения неотвратимости человеческой судьбы. В лирике Марии Тилло реализовался на художественном уровне экзистенциально-мировоззренческий портрет автора. В её поэзии борются жизнь и смерть, добро и зло, свет и тьма, оптимизм и пессимизм, художественно реализован основной экзистенциальный конфликт – конфликт между жизнью и смертью, определяющий поиск индивидуального духовного выбора.

Или, как выразилась по адресу этой поэзии проф. М. Михайлова (МГУ) – «дальше – не тишина» ... [3, 44].

Список использованных источников

1. Абрамович С. Стихотворение М. Тилло «Ренессанс» как лирическая интерпретация эпохи / С. Абрамович // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 38–43.
2. Абрамович С. «...умирающий и беззащитный сад Объятых ужасом предчувствия растений...» / С. Абрамович // Мария Тилло. Лирика. – К.: Издат. дом Д. Бурого, 2006. – С.178-195.
3. Михайлова М. «Дальше – ... не тишина» / Михайлова Мария // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 44–46.
4. Михед П. «Печальна музыка судьбы» / Павло Михед // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С. 46–47.
5. Пахарева Т. «Небесный топос в поэзии М. Тилло / Пахарева Татьяна // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2008. – С. 32-35.
6. Тилло М. Лирика / Мария Тилло. – К.: Издат. Дом Д. Бурого, 2006. – 200 с.
7. Тілло М. З ненадрукованого / Марія Тілло // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – Вип.1. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2007. – С.28.
8. Чикарькова М. Поэзия Марии Тилло / М. Чикарькова // Мария Тилло. Лирика. – К.: Издат. дом Д. Бурого, 2006. – С. 4–14.
9. Якушева Г. «Слишком много счастья – это скучно. Слишком много счастья – это страшно...» (о стихах Марии Тилло) / Якушева Галина Михайловна // Науково-поетичні читання пам'яті Марії Тілло. – К.: Видавничий дім Д. Бурого, 2008. – С. 29-31.

Summary. The paper analyzes the existential-philosophical point of lyrical self-portrait poet Mary Tilly, emotional tone of her poetry and how its stylistic expression.

Key words: existential problems, apocalypse, tragic optimism, the concept of color, continuum.